

Я обладаю приятной внешностью, выдающейся силой и потрясающей мускулатурой. Если отбросить капельку нарциссизма и взглянуть на всё объективно, мои мышцы — рельефные и гармоничные — относятся к той категории, от которой хрупкие, нежные омеги с мягкими телами, готовые растаять от одного прикосновения, начинают безумно визжать и теряют дар речи.

Мои родные всегда мечтали, чтобы я привёл домой маленького омегу, который продолжил бы наш род. Разумеется, все эти фантазии развеялись в прах, когда я сам вторично пополнил ряды омег.

Такой поворот событий просто разрывает сердце.

В ту пору, когда я по молодости и глупости уже привлёк своей внешностью и фигурой белокожего, писаного красавца — идеального во всех смыслах парня с тонкими слезами на глазах, в котором сразу угадывался омега, — и уже был готов помчаться навстречу вершине своей жизни, судьба сыграла со мной злую шутку.

Какого чёрта.

Я.

Вторично поленом определился в омеги.

Если бы это ещё не было таким сильным ударом, то в момент, когда этот вечно шмыгающий носом, белокожий красавец с осиной талией подбежал ко мне в слезах и заявил, что готов на однополые отношения, в моей душе поднялась настоящая буря.

Вот теперь всё чудесно. Конь помчался навстречу уже мне. Под уязвимым самоуважением двенадцатилетнего мальчишки я принял решение стать бессердечным, бессовестным мерзавцем, который бросает жену и детей, легкомысленно заводит романы и тут же забывает о них.

Не спрашивайте меня, почему я так рано развился. Мои родители воспитывали меня в этом духе с трех лет, твердя, что в нынешние времена количество омег стремительно сокращается, а потому я обязан, пока свеж и сочен, словно белая редиска, подцепить какого-нибудь мальчишку и притащить его домой, иначе потом всю жизнь буду горько сожалеть.

Я бы даже пооплодировал проницательности своих предков.

Как бы не так. Позднее, когда я уже вырос, я всё же оправдал надежды родителей и превратился в брутального, мужественного омегу ростом метр восемьдесят шесть. Впрочем, об этом потом.

Пройдя через множество обследований, я был вынужден поверить: я — самый настоящий, хрупкий, нежный и способный к зачатию омега. Этот лицемерный мир, помешанный на внешности, внушал лишь отчаяние.

Начитавшись любовных романов про властных генеральных директоров, которые батя вечно прятал от мамы, я наконец-то дождался идеального дня — темной ночи с бушующим ветром, прекрасной погодой и запахом крови, — чтобы найти того вечно плачущего альфу, который так жаждал со мной шуры-муры, и окончательно порвать с ним раз и навсегда. — Я больше тебя не люблю. Ты нравилась мне только из-за своего лица, а теперь оно мне надоело. Можешь уходить.

— Почему ты молчишь? Больше не ходи за мной, слышишь? Между нами ничего не может быть.

— Чего ты на меня так смотришь? Тебе нужны деньги? Называй любую сумму, я всё отдам.

— Эх...

— Эй, ну ты чего плачешь...

— Это всё я виновата, не плачь... У-у-у, ты, только не плачь, это я во всём виновата, у-у-у-у...

Вот так воображаемое расставание завершилось тем, что мы рыдали вдвоём, пока нас наконец не нашли родители и не забрали по домам.

По идее, мы должны были отринуть статусы, гендерные предрассудки и общественное порицание, наплевать на всё и остаться вместе (хотя тут явно что-то не так), а затем жить душа в душу, любоваться друг другом и по достижении совершеннолетия с помпой отправиться регистрировать брак.

Но на деле вскоре после этого из-за работы родителей я перевелась в другую школу. Нормально попрощаться мы не успели, и со временем наше общение постепенно сошло на нет.

Если подумать, он ведь писал мне много писем. Вот только девчачьи сплетни и жалобы в них были такими утомительными и скучными! Сначала я ещё отвечала пару раз, но потом потеряла всякий интерес, и в конце концов остались лишь его односторонние излияния.

Впрочем, продлилось это недолго — вскоре он прекратил даже одностороннюю переписку.

Когда-то я свято верила, что благодаря своему уникальному обаянию обязательно найду подходящую пару. В конце концов, судя по опыту, всегда найдётся пара-тройка слерогих альф, которым вдруг приглянется такая особа, как я: с пшеничной кожей, даже чуть-чуть смуглой — ну правда, самую капельку, — с взрывным характером, но невероятным чувством справедливости, владеющая боевыми искусствами, которым некуда выплеснуться, — этакая сексапильная дикая кошечка с ароматом шоколада?

Бесчисленные столкновения с суровой реальностью недвусмысленно доказали, что у наших сограждан, и особенно альф, глаза и умственные способности работают на ура. Из-за этого с двенадцати лет и до нынешних двадцати пяти я остаюсь никому не нужной незамужней деввицей.

Эх, как же вдруг захотелось вспомнить того плаксу-альфу, по крайней мере, он хотя бы был

другого пола.

<http://bllate.org/book/20763/2083465>